

Юлия Валерьевна ИВАНЧИНА¹
Елена Александровна ИСТОМИНА²

УДК 349.2, 349.3

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

¹ доктор юридических наук, доцент кафедры трудового права,
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)
Julia.ivanchina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9306-2216

² кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права,
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)
eistomina2011@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4984-7627

Аннотация

Наступление информационного общества и цифровой экономики является естественным этапом развития любого государства. Информатизация всех сфер общественной жизни актуализирует вопросы исследования уже сложившихся общественных отношений и их правового регулирования, с учетом нового элемента — их цифрового сопровождения. Отношения по применению наемного труда, а также отношения по социальному обеспечению не стали исключением с точки зрения проникновения в них цифровых технологий.

Трудовое законодательство и законодательство о социальном обеспечении, будучи самостоятельными, зачастую реализуются в системной взаимосвязи, поскольку они направлены на обеспечение качества жизни индивидов. Эта взаимосвязь затрагивает самые различные аспекты: занятость, сочетание (баланс) труда и семейных обязанностей, а также частной жизни, охрану здоровья. Это обуславливает потенциал комплексного анализа трудовых и социальных прав граждан в условиях цифровизации.

Цитирование: Иванчина Ю. В. Цифровизация социально-трудовых отношений в изменяющемся мире: сравнительно-правовой анализ / Ю. В. Иванчина, Е. А. Истомина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 192-213.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-192-213

Значение таких исследований тем очевиднее, что в условиях распространения новой коронавирусной инфекции введенные ограничения, в том числе социальное дистанцирование, обусловили невозможность для многих как осуществлять трудовую деятельность, так и обращаться за социальными предоставлениями и получать их. От того, насколько реакция государства, выраженная в виде принимаемых нормативных правовых актов, соответствует сложившейся ситуации и помогает решать возникающие проблемы, во многом зависит сохранение качества жизни населения этого государства.

В настоящей статье на основе сравнительного метода научных исследований показано развитие дистанционного труда в России и в зарубежных странах. Проанализировано значение информации, информационных технологий и систем в сфере социального обеспечения. Распространение новой коронавирусной инфекции затронуло весь мир, и опыт правового регулирования, выработанный в государствах с различным уровнем развития, может, с учетом его осмысления, в определенной степени быть применен в российских условиях. Кроме того, в статье подчеркивается, что право любого государства должно быть ориентировано на международные стандарты в соответствующей сфере.

Ключевые слова

Информационные технологии и системы, распространение новой коронавирусной инфекции, трудовые отношения, дистанционный (удаленный) труд, социальное обеспечение.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-192-213

Введение

В научной и публицистической литературе современный период развития нашей страны принято называть переломным, меняющим парадигму общественной и экономической жизни. Не оспаривая в целом указанного тезиса, отметим, что и общество, и экономика в процессе развития прошли длинный путь, и на каждом этапе изменения могли быть как скачкообразными, обусловленными определенными событиями либо явлениями, так и эволюционными. Доиндустриальное, традиционное (аграрное) общество характеризовалось натуральным, сельскохозяйственным укладом экономики; индустриальное общество, наступление которого было обусловлено техническим прогрессом, опиралось на развитую промышленную основу. Сегодня наблюдается постепенный переход к постиндустриальному (информационному) обществу с инновационной экономикой, производственную основу которого составляет использование достижений научно-технического прогресса и информатизация.

П. У. Кузнецов подчеркивает, что «конец 1990-х — начало 2000-х гг. в России стали временем развития массовой информатизации, т. е. организационно-обеспеченного процесса удовлетворения информационных потребностей индивидов

на основе внедрения информационно-коммуникационных технологий во всех областях человеческой деятельности (государственном управлении, производственном секторе экономики, образовании, здравоохранении) и в частной жизни граждан» [4, с. 12]. Достоинства указанных технологий очевидны и не вызывают сомнений. В то же время очевидно, что цифровое общество и цифровая экономика — это не только более активное использование компьютерных технологий и роботов во всех сферах жизнедеятельности. Согласимся с тезисом, высказанным А. К. Соловьевым, что «цифровизация экономики радикально изменяет всю систему производственно-хозяйственных отношений на рынке труда между ее участниками — наемными работниками и работодателями» [13, с. 251]. Налицо более глубокие изменения — ведь цифровые технологии прямо влияют на возможности экономически активного населения работать и обеспечивать себе таким образом средства к существованию, на занятость населения, на уровень безработицы и, как следствие, на принципиальную необходимость социальной защиты и на ее количественные и качественные характеристики. Поэтому сегодня актуализируется не только вопрос выявления преимуществ цифрового развития, но и критического осмысления их способности отвечать социально-экономическим вызовам и проблемам времени.

Изменение типа общества и экономики заставляет изменять подходы к правовому регулированию трудовых отношений, ведь развитие информационных технологий и систем привело к изменению места и роли человека в производственном процессе. Это влечет за собой и определенную трансформацию отношений по социальному обеспечению. С одной стороны, некоторые социальные риски могут развиваться в меньшей степени, к примеру, уровень производственного травматизма и числа профессиональных заболеваний. С другой стороны, изменение структуры занятости приводит к учащению социальных рисков, обусловленных нестабильностью на рынке труда. Это влияет на изменение объема и содержания потребностей участников соответствующих общественных отношений, а также на способы их удовлетворения.

Материалы и методы

Смена типов общества и экономики в разных странах протекает по-разному — и во времени, необходимом для становления одного типа и прихода ему на смену другого, и в пространстве, ведь социально-экономическое развитие любого государства во многом зависит от территориальных и климатических особенностей. При этом, несмотря на многовариантность эволюционного процесса, следует отметить, что общество и экономика всех стран последовательно проходят все стадии в своем развитии. Именно поэтому сравнительные исследования в юридической науке не утрачивают значения.

Так, в России переход от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу с инновационной экономикой существенно затянулся во времени. В 60-х гг. XX в. Россия стала страной с индустриальным типом общества и экономики. Начиная с 90-х гг. прошлого века в недрах индустриального

типа начали зарождаться признаки постиндустриального (информационного) общества, однако характерные черты инновационной экономики появились гораздо позже. Вместе с тем говорить о том, что наша страна вступила в переходную фазу от одного типа к другому, можно не ранее наступления XXI в. Представляется, что вплоть до настоящего времени указанная стадия еще не завершена и говорить о наличии в нашей стране информационного общества с инновационной экономикой пока преждевременно. Аналогично можно охарактеризовать процесс общественного развития во многих странах. В одних только проявились предпосылки к формированию информационного общества, а где-то этот процесс подходит к логическому завершению. Однако значение информации как основного условия и источника развития и нормального функционирования всех общественных институтов уже признан во всем мире.

Информационное общество может быть охарактеризовано с помощью определенных признаков, позволяющих отличить его от предшествующих ему типов общества. Важнейший признак — понимание информации как базового ресурса и основы развития экономики, увеличение удельного веса информационных (компьютерных и телекоммуникационных) технологий. Развитие глобального информационного пространства и цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека является также неотъемлемым признаком наступающего общества.

Так, Международная ассоциация социального обеспечения (далее — МАСО) в своем исследовании «Альянс человеческого и цифрового для социального обеспечения в Северной и Южной Америке» отмечает, что во многих странах процессы подтверждения права на социальные предоставления, включающие ручную обработку значительного количества документов на бумажных носителях, постепенно заменяются на мобильные услуги в режиме онлайн, что делает указанную процедуру более безопасной и удобной. Так, в Аргентине «физическая» подача заявления о пенсионном обеспечении, документальное подтверждение права на пенсию были заменены на онлайн-службу подачи заявок, мониторинга обращений, созданы социальные сети и колл-центры. Это ускорило процесс предоставления соответствующей услуги и сделало его более прозрачным. В некоторых странах, к примеру, в Панаме, облегчен доступ к телемедицинским услугам, включая консультации из дома. Таким образом, внедрение информационных и телекоммуникационных технологий позволило сделать вывод, что сочетание человеческих навыков и цифровых технологий может быть источником повышения эффективности. «Люди и технологии, — подчеркивают специалисты МАСО, — поддерживают бизнес и услуги» [20].

В последние годы в разных странах принимаются нормативные правовые акты, цель которых — формирование информационной основы функционирования современного общества. Их разработка, обсуждение осуществляются с опорой на международные стандарты и цели в области защиты прав человека, поскольку конечной целью информационного общества с инновационной экономикой является обеспечение наиболее достойного уровня жизни для максимального числа граждан.

25 сентября 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция A/RES/70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития», обозначенная как «план действий для людей, планеты и процветания». Цель 9 предполагает создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям. В докладе ООН о целях в области устойчивого развития за 2020 г. отмечается значение этой цели именно в современных условиях, когда люди работают, общаются и получают медицинскую помощь дистанционно, а цифровые технологии становятся важнейшей частью жизни практически каждого человека [2].

Второе десятилетие XXI в. обозначило появление национальных актов, посвященных указанному вопросу. Так, Закон Французской Республики № 2016-1321 от 7 октября 2016 г., принятый в целях развития цифровой республики (LOI n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique) [27], предопределил различные меры, направленные на достижение обозначенной цели. Обязательно раскрытие данных публичного характера — основных нормативных документов, а также сведений, имеющих экономическое, экологическое, социальное (в том числе — медицинское) значение. Предусмотрено создание публичной информационной службы на основе уже имеющихся статистических баз данных. Открытое информационное пространство должно гарантировать равенство граждан в цифровом пространстве, максимальную защиту их персональных данных, а также защиту прав человека. Гарантируется возможность доступа к информационным технологиям и системам для всех, включая лиц с ограниченными возможностями и иные уязвимые категории граждан. Поэтому, отмечают французские исследователи, система социального обеспечения, с учетом ее задач, полностью вписывается в эти процессы и способна предложить новаторские подходы в этой сфере [25].

В Российской Федерации Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 была принята Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. [14], предусматривающая развитие применения информационных и коммуникационных технологий, направленных на обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов, повышение качества жизни граждан, повышение производительности труда и эффективности производства, а также стимулирование экономического роста в целях обеспечения устойчивого и сбалансированного развития нашего государства.

К задачам применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы в Стратегии отнесено стимулирование российских организаций в целях обеспечения работникам условий для дистанционной занятости, развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления.

Столь масштабный процесс, в основе которого лежит цифровизация, не может не сопровождаться преобразованиями, затрагивающими все сферы жизнедеятельности общества — экономику, политические институты, социальную

жизнь. Эти преобразования находят отражение в действующем законодательстве. Становится очевидной необходимость корректировки нормативных правовых актов разной отраслевой принадлежности, цель которой (применительно к сфере настоящего исследования) — обеспечение адекватного правового регулирования складывающихся общественных отношений по внедрению и использованию цифровых технологий в процессе реализации трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений, а также отношений по социальному обеспечению. Этому процессу могут сопутствовать сдвиги в социальной структуре и взаимосвязях, в том числе в видоизменении общественного правосознания, в объеме и содержании потребностей людей, в способах удовлетворения этих потребностей.

Формирование информационного общества с инновационной экономикой подразумевает не только изменение стандартов жизни, но и иные преобразования, в частности — появление новых общественных отношений, институтов и норм. Ни трудовое законодательство, ни законодательство о социальном обеспечении не могли не отреагировать на процессы, связанные с цифровизацией всех сфер жизнедеятельности человека и общества в целом. Массовое внедрение достижений высоких информационных и коммуникационных технологий стало доступным не только производителям и крупным корпорациям, но и гражданам.

Вместе с тем, как уже было отмечено, трансформации, протекающие в обществе и экономике, не всегда обусловлены эволюционными процессами. Изменения могут быть вынужденными, а стимул к ним — внезапным и не предусмотренным ни одним прогнозом. Человечество уже приобрело привычку к относительной безопасности с точки зрения инфекционных болезней. Наиболее серьезные инфекции до недавнего прошлого считались полностью побежденными либо неопасными в силу своего течения или географической локализации. Однако распространение новой коронавирусной инфекции, которое Всемирная организация здравоохранения категорично охарактеризовала как пандемию, отразилось не только на образе жизни людей большинства стран мира, но и на организации трудового процесса. Изменилась и субъективная оценка жизненных ситуаций людьми — их потребностей в труде, в получении образовательных услуг, в охране здоровья, включая медицинскую помощь, в социальном обеспечении и т. д. Распространение новой коронавирусной инфекции обусловило новые объективные реалии, которые стали вызовом для экономики и общества, и на который государства постарались ответить.

Настоящее исследование не претендует на всеобъемлющую картину изменений в правовом регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений, обусловленных распространением новой коронавирусной инфекции. Сложный период в жизни мирового сообщества не пройден, и со временем предстоит адекватно, на основе методов научного познания, оценить и масштаб возникшей угрозы, приоритеты, обозначенные государствами в ходе борьбы с новым инфекционным заболеванием, и те нормы права, которые были приняты (зачастую в спешном порядке) как ответ на осложнение текущей обстановки.

В настоящей статье предпринята попытка в сравнительно-правовом ключе обозначить изменения в трудовом и социально-обеспечительном законодательстве, которые связаны и с процессами цифровизации.

Результаты

Дистанционный труд как способ обеспечения занятости населения в условиях распространения новой коронавирусной инфекции

Необходимость в социальном дистанцировании и изоляции вынужденно ускорила процессы информатизации и цифровизации в обществе и экономике. В некоторых случаях от планового, поэтапного внедрения информационных технологий пришлось перейти к их форсированному внедрению. С одной стороны, это привело к изменениям на рынке труда, к сокращению числа рабочих мест, появлению неполной и краткосрочной занятости, а также ускорило процесс исчезновения отдельных профессий. С другой стороны, это открыло новые возможности, в том числе — в реализации социально-трудовых прав граждан, в возможности получения востребованного образования в дистанционной форме, в развитии дистанционной работы, позволившей сочетать труд и семейные обязанности. Как верно отмечал Л. С. Явич, «эффективность правового воздействия на общественные отношения в значительной (если не в решающей) степени зависит от своевременного приведения права в соответствие с новыми требованиями экономического развития» [17, с. 32-33].

Распространение дистанционной работы в последнее десятилетие стало объективной реальностью. При этом в странах Европы эта форма организации процесса труда уже давно получила свою правовую регламентацию. В первую очередь следует отметить Рамочное соглашение о дистанционной работе (Framework Agreement on Telework, between the ETUC, UNICE/UEAPME and CEEP 2002), подписанное Европейской конфедерацией профсоюзов (ETUC), Союзом промышленных конфедераций и конфедераций работодателей Европы / Европейским союзом ремесленников и малых и средних предприятий (UNICE/UEAPME), а также Европейским центром работодателей и предприятий, предоставляющих государственные и общественно значимые услуги (CEEP). В нем были закреплены основы организации дистанционной работы (Telework), определены базовые права и обязанности работника и работодателя, в том числе в целях сохранения общего уровня защиты.

В Германии распространение получила как телеработа (Telearbeit), так и работа из дома (home office). Телеработа может быть согласована в трудовом договоре или производственном соглашении; работодатель должен обеспечить работника средствами труда, оргтехникой; подключить их и обеспечить охрану труда на таком рабочем месте. Работа из дома устанавливается по соглашению сторон трудового правоотношения или в производственном соглашении. В условиях пандемии именно работа из дома получила широкое применение, когда многие работники были вынуждены работать на собственном компьютере, на кухне или за своим письменным столом. Число лиц, работающих в таком

режиме, возросло с 12 до 25%. Многие работодатели, включая тех, кто выступал против работы из дома, были вынуждены перевести работников на нее. При этом социологические опросы показали, что работникам такая работа пришлась по душе — более одной трети из них высказались за продолжение работы из дома [16, с. 172].

При этом, как отмечается в науке, нормативные акты, принимаемые на национальном уровне государствами — членами Европейского Союза, обычно сосредоточены на продвижении преимуществ удаленной работы, а не на защите работников от возможных негативных последствий, не на достижении баланса между работой и личной жизнью и здоровьем. Только Бельгия, Франция, Италия и Испания имеют законодательство, которое включает право на отключение [32].

В условиях пандемии дистанционная работа получила лавинообразное распространение. Так, по данным Европейского фонда улучшения условий жизни и работы (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions), более трети работников начали исполнять свои трудовые обязанности удаленно в самом начале пандемии, причем многие из них имели достаточно ограниченный опыт такой работы или не имели его вообще. В июле текущего года почти половина респондентов хотя бы часть времени работала удаленно, а треть работала исключительно дома [31]. Следовательно, вопросы правового регулирования дистанционного труда приобретают все более актуальное значение.

Как отмечает О. В. Чесалина, в Германии уже в течение нескольких лет обсуждается законодательное закрепление права на работу из дома. Ситуация с коронавирусом обострила дискуссию, при этом многие работодатели относятся отрицательно к этой инициативе, отмечая, что работу из дома следует устанавливать только в тех организациях, где это целесообразно. Некоторые исследователи отмечают, что, если регулировать право на такой вид работы, следует также урегулировать случаи, в которых у работника возникает обязанность работать из дома [16, с. 172-173].

Россия не является исключением, и вопросы правового регулирования труда дистанционных (удаленных) работников также находятся в центре внимания. Так, еще в 2013 г. в Трудовом кодексе РФ появилась глава 49.1, посвященная особенностям регулирования труда дистанционных работников [6]. Дистанционный труд, его активное использование стали возможны благодаря интенсивному развитию цифровых технологий.

Однако следует заметить, что в процессе правоприменительной практики очень быстро было выявлено отсутствие необходимой гибкости правовых норм — в вопросе частичного исполнения работником своих трудовых обязанностей удаленно [1]. Более того, в условиях распространения новой коронавирусной инфекции еще более заметным стало отсутствие правового регулирования труда дистанционных работников, адекватно отвечающего вызовам времени.

В июне 2020 г. в Государственную думу РФ был представлен Законопроект № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». В Официальном отзыве на него от 15 июля 2020 г. № 6031п-П12 Правительство РФ отметило, что предложенные изменения будут способствовать развитию рынка труда, повышению занятости и снижению безработицы среди граждан, не обладающих высокой конкурентоспособностью в этой сфере — инвалидов, молодых людей, ищущих работу впервые, женщин с маленькими детьми, лиц предпенсионного возраста, а также расширению использования гибких форм занятости [7].

В первом чтении законопроект был принят 21 июля 2020 г., с необходимостью представления поправок в срок до 18 сентября 2020 г. По состоянию на конец октября 2020 г. данный процесс своего логического завершения, к сожалению, не получил. В то же время потребность в релевантном правовом регулировании труда дистанционных работников снова возросла, особенно на фоне новых ограничительных мер, принимаемых в целях недопущения повторного ухудшения эпидемиологической ситуации в стране.

Указанным законопроектом предусмотрена возможность временного перевода на дистанционную (удаленную работу) в связи с наступлением чрезвычайных обстоятельств. Такая правовая конструкция уже знакома странам Европы. В частности, в ст. L. 1222-11 Трудового кодекса Франции (*Code du travail*) [22] предусмотрено, что в исключительных случаях, особенно при угрозе эпидемий, либо при возникновении форс-мажорных обстоятельств, внедрение дистанционной работы может рассматриваться как обязательное в целях продолжения деятельности работодателя и гарантированности защиты работников. Подчеркнем, что перевод работника на дистанционную работу в таких случаях рассматривается как обязательный, следовательно, не требующий его письменного согласия.

В Национальном протоколе обеспечения здоровья и безопасности работников предприятий в условиях пандемии COVID-19, актуализированном Министерством труда, занятости и интеграции Франции 29 октября 2020 г. (*Protocole national pour assurer la santé et la sécurité des salariés en entreprise face à l'épidémie de COVID-19. Actualisé au 29 octobre 2020*) [29], указано, что дистанционная работа в современных условиях должна стать правилом на всех предприятиях, где условия труда позволяют организовать ее. В этом контексте рабочее время, выполняемое дистанционно, увеличивается до 100% для сотрудников, которые могут выполнять все свои задачи не на стационарном рабочем месте. В других случаях организация работы должна позволять сократить поездки между домом и работой и адаптировать время, проведенное в компании, для выполнения задач, которые невозможно выполнить дистанционно, чтобы уменьшить социальное взаимодействие.

Поэтому можно заключить, что планируемая в вышеуказанном законопроекте возможность комбинирования стационарной и дистанционной (удаленной) работы актуальна с точки зрения интересов и работников, и работодателей,

и государства. На наш взгляд, она должна в первую очередь предоставляться по заявлению лиц, исполняющих семейные обязанности. Преимущественное предоставление права на удаленную работу позволит таким работникам не только эффективно совмещать работу с исполнением семейных обязанностей, но и обеспечивать себя и свою семью в случае, если это лицо является основным источником дохода.

Данное положение согласуется с тенденциями, обозначаемыми на международном уровне. Так, ЮНИСЕФ, «ООН-женщины» совместно с МОТ представили рекомендации «Политика, ориентированная на поддержку семей и работы в условиях COVID-19: основные шаги, которые может предпринять работодатель» [26]. Один из базовых тезисов этой политики — развитие удаленной работы в столь непростое со всех точек зрения время, возможность обеспечить гибкий график работы, отвечающий потребностям работников и их семей. При этом в указанном документе содержится рекомендация по сочетанию дистанционной работы, гибкого графика и снижения нагрузки (неполного рабочего времени). Решение, по словам разработчиков, должно приниматься в каждом случае с учетом складывающихся обстоятельств, особенностей предприятия, где работает гражданин, а также уровня опасности для здоровья.

*Защита от социальных рисков в условиях цифровизации
на фоне распространения новой коронавирусной инфекции*

Оба процесса, не связанные ни во времени, ни в своей обусловленности, ускорили процессы информатизации и в сфере социального обеспечения. Заболевание, обусловленное вирусом SARS-CoV-2, является прямым фактором социального риска нездоровья, неблагоприятные последствия которого проявляются в значительном ухудшении здоровья человека и его потребности в медицинской помощи, а также косвенным фактором риска незанятости, поскольку меры, предпринятые государствами в целях недопущения ухудшения эпидемиологической обстановки, привели к потере работы многими людьми и к необходимости установления им пособия по безработице.

В сложившихся обстоятельствах актуализируется представление о защите от социальных рисков как о деятельности комплексного характера, которая включает не только компенсацию неблагоприятных последствий рисков, но и иные меры — их предупреждение, активное преодоление. В эту деятельность вовлечено большое количество субъектов, начиная с государства, которое, согласно ст. 7 Конституции РФ [3], является социальным и провозглашает права и свободы человека как высшую ценность, заканчивая самими гражданами, которые должны предпринимать необходимые меры для предотвращения заражения — носить маски, по возможности избегать многолюдных мероприятий, др.

Тем не менее компенсация социальных рисков в системе социального обеспечения стала главной мерой, направленной на восполнение потерь, понесенных индивидами в период распространения новой коронавирусной инфекции. Точкой отсчета социально-обеспечительных отношений становится обращение

лица, в отношении которого развился социальный риск, за социальной выплатой или услугой. Процедура подтверждения права включает в себя подачу заявления и приложение необходимых, зачастую многочисленных документов. Персонализация социального риска (соотнесения нормы права, обуславливающей назначение предоставления, и реальной ситуации, в которой оказался гражданин) может быть в настоящее время существенно облегчена, учитывая достижения цифровых технологий и развитие телекоммуникационных сетей общего пользования. Изменяется и процесс предоставления социальных выплат и услуг.

С позиций реализации социально-обеспечительных обязательств государства можно выделить два аспекта информатизации соответствующих общественных отношений. Первый аспект связан с технологическим аспектом — внедрением в эту сферу информационных систем и технологий.

К примеру, значительный импульс к развитию во многих странах в настоящее время получают телемедицинские технологии. Ст. L.6316-1 Кодекса общественного здравоохранения Франции (*Code de la santé publique*) [21] определяет телемедицину как форму удаленной медицинской практики с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, позволяющую медицинскому работнику общаться с одним или несколькими специалистами в области здравоохранения или с пациентом, а также при необходимости — с другими специалистами, оказывающими медицинскую помощь. Преимущества этого вида медицинской помощи заключаются в том, что она (в трактовке французского законодателя) позволяет поставить диагноз, обеспечить пациенту из группы риска последующее наблюдение в профилактических целях или наблюдение после лечения, запросить мнение специалиста, подготовить терапевтическое решение, прописать медицинские и иные препараты, оказать иные услуги или осуществить иные действия в рамках наблюдения за состоянием пациентов. При этом исключается непосредственный контакт заболевшего с иными лицами, что нивелирует, к примеру, угрозу заражения, но возможно лишь при наличии и активном использовании технических средств.

Развитие этого направления медицинской помощи актуально и для Бельгии. Министр здравоохранения Бельгии Мэгги де Блок подчеркивает, что развитие телемедицины позволило оперативно предоставлять помощь в двух направлениях: во-первых, в процессе консультирования выявлять людей, которые могут быть заражены вирусом SARS-CoV-2, во-вторых, обеспечить непрерывность оказания медицинской помощи, особенно — пациентам, которые из-за имеющихся заболеваний, пожилого возраста не могут обращаться к своему терапевту. При этом медицинская помощь пациентам оказывается бесплатно, а врачи получают за оказание соответствующих услуг возмещение [23].

Указанный опыт представляется примером эффективности функционирования информационных технологий в сфере охраны здоровья граждан и заслуживает углубленного анализа, поскольку в России оказание телемедицинских услуг находится в стадии формирования. Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

(в ред. от 31 июля 2020 г.) [9] установлено, что медицинская помощь может оказываться с применением телемедицинских технологий, что обеспечит такие ее характеристики, как доступность и качество. Ст. 36.2 указанного закона предусмотрено, что такая помощь может оказываться для профилактики, сбора, анализа жалоб пациента и данных анамнеза, оценки эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента; принятия решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации). Однако медицинская помощь с использованием таких технологий в России не является самостоятельной. Законом особо определено, что дистанционное наблюдение за состоянием здоровья пациента может быть назначено лечащим врачом только после очного приема (осмотра, консультации). В целом это представляется оправданным, учитывая возможные тяжелые последствия врачебной ошибки, однако практика такой помощи, по нашему мнению, может и должна быть расширена.

Как в России, так и в зарубежных странах в законодательство активно вносятся изменения и дополнения, согласно которым получение и предоставление необходимых для назначения социальной выплаты или услуги документов и сведений становятся возможными в рамках межведомственного взаимодействия, что также непосредственно связано с развитием техники и технологий. Деятельность уполномоченных на предоставление социального обеспечения субъектов по принципу «одного окна» можно считать общемировой тенденцией.

МАСО отмечает значительный прогресс в этой сфере, он не был изначально обусловлен распространением новой коронавирусной инфекции, однако в значительной мере способствовал решению возникающих сегодня проблем. Отметим также, что повышенное внимание к информатизации процессов и процедур защиты граждан в условиях распространения новой коронавирусной инфекции не означает полного отказа от развития в этом направлении иных, «традиционных» институтов социального обеспечения. Так, учитывая важность предоставления гражданам сведений об их пенсионных правах, Национальное пенсионное бюро Республики Корея сформировало общую сеть, которая объединила 18 социальных служб под управлением местных властей и 16 специализированных организаций [18].

Кроме того, развиваются сайты и мобильные приложения, позволяющие подать заявление об установлении социальной выплаты в режиме онлайн. К примеру, Указом Короля Бельгии от 1 июля 2012 г. (*Arrêté royal concernant l'introduction d'une demande d'allocation d'interruption par voie électronique, modifié par Arrêté royal du 18 mars 2018*) [19] предусмотрено, что подача заявления о выплате пособия в случае безработицы осуществляется в электронном виде. Национальное бюро занятости Бельгии на официальном сайте [5] позволяет, к примеру, оформить период продления осенних каникул как временную безработицу, обусловленную форс-мажорными обстоятельствами, и обратиться за соответствующей выплатой. Мобильное приложение позволяет получить необходимые документы.

Посредством активного использования в сфере социального обеспечения технологий блокчейн и «биг дата» совершенствуется функционирование комплексных служб, объединяющих медицинских работников, иных поставщиков медицинских услуг, аптеки. МАСО отмечает развитие технологии блокчейн в Эстонии, при помощи которой была создана электронная система медицинских карт и рецептов. В Саудовской Аравии пилотный проект запущен для ведения листов нетрудоспособности. На основе технологии «биг дата» в Республике Корея Национальная служба медицинского страхования внедрила проект, охватывающий все население и позволяющий на основе комплекса сведений принять решения о профилактике заболеваний, прогнозировании рисков, улучшить качество услуг. Такие разработки в Корее проводились в сотрудничестве с общественными организациями, медицинскими учреждениями, медицинскими работниками и учеными [18].

Таким образом, резюмируют специалисты МАСО, в современном контексте меры, предпринятые ранее, позволили более эффективно реагировать на распространение новой коронавирусной инфекции. Когда физическое взаимодействие людей может иметь катастрофические последствия, вышеуказанные информационные технологии и системы позволяют предоставлять социальное обеспечение. А поскольку эти меры были предприняты заранее, многие граждане, ориентируясь в цифровой среде, смогли получить доступ к социальному обеспечению легче [20].

Одним из примеров информационных систем подобного рода в России, цель которых — информирование граждан о социальных предоставлениях, может служить Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО), созданная в соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) [8]. Она представляет собой информационный ресурс, который, с одной стороны, доступен любому пользователю сети Интернет, с другой, позволяет получить персонализированные сведения лишь с учетом режима персональных данных — то есть только самому гражданину либо органу (учреждению), которому информация необходима в целях реализации социально-обеспечительного обязательства. По существу, ЕГИССО может быть охарактеризована как связующий инструмент между нормативным и индивидуальным уровнями правового регулирования социального обеспечения, когда государство закрепляет в нормах права социальные выплаты и услуги, условия их предоставления и сроки назначения, и делает возможным получение этих сведений при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, и параллельно этот ресурс наполняется информацией, относящейся к конкретным лицам.

Второй аспект развития правового регулирования в этой сфере касается содержания информации о социальном обеспечении. Известно, что реализация права на социальное предоставление — будь то пенсия, пособие, компенсация, социальная услуга или льгота — практически невозможна без полноценного

информационного обмена между гражданином, в отношении которого развился социальный риск, и субъектом, уполномоченным на реализацию социально-обеспечительного обязательства. Следует также учитывать, что сегодня речь идет о неотложных мерах — предоставлении медицинской помощи заболевшим, а также средств к существованию людям, утратившим работу в связи со сложившимися социально-экономическими условиями. Законодательство же о социальном обеспечении является громоздким и не всегда понятным с точки зрения содержания. Таким образом, достоверная, полная, оперативная информация становится неотъемлемым элементом реализации права на социальное обеспечение. Обоснованность и адресность социального обеспечения возможны лишь при условии информированности субъектов об их правах и обязанностях. Гражданам очень важно понимать процедурные аспекты возникновения правоотношений по социальному обеспечению — в какие сроки следует обращаться за социальной выплатой или услугой, какие сведения необходимо подтверждать, какой субъект уполномочен принять обращение, рассмотреть его и назначить социальное предоставление.

Одним из важнейших качеств соответствующей информации следует признать ее достоверность. В обществе, где значительная часть общения проходит в цифровом пространстве и где каждый может высказать свое мнение, объявив его экспертным, базовое значение приобретают источники информации, которые объективно демонстрировали бы происходящее в обществе, представляли бы научно обоснованные, достоверные сведения и советы.

К примеру, на официальном сайте Министерства солидарности и здравоохранения Франции указывается, что дополнением к медицинским мерам, включая ношение масок и соблюдение санитарной дистанции, являются информационные инструменты, направленные на реализацию стратегии «Тестирование — Оповещение — Защита». Разработаны сервисы, например сайт [24], позволяющие получить подробные сведения о точках проведения тестирования на заражение вирусом SARS-CoV-2, режиме их работы, времени приема лиц, тестирование которых должно осуществляться в приоритетном порядке, др. Кроме того, можно узнать о времени ожидания тестирования. Сходным по направленности ресурсом можно признать российский сайт Стопкоронавирус.ру [10], на котором представлены различные виды столь необходимой, а главное, достоверной информации — от симптоматики болезни до полезных ссылок и адресов.

Безусловно, приведенные примеры демонстрируют стремление государств развивать информатизацию как сферы труда, так и сферы социального обеспечения. Очевидный оптимизм в этом вопросе несколько нивелируется существующими препятствиями.

К примеру, в России число абонентов фиксированного и мобильного доступа к сети Интернет на 100 человек населения в 2011 г. составляло всего 12,6 чел., в 2018 г. составило 21,8 чел. Число активных абонентов фиксированного доступа к сети Интернет в 2011 г. — 18 004 000 чел., а в 2018 г. — 31 968 000 чел. Число активных абонентов мобильного доступа к сети Интернет в 2011 г. — 84 523 000 чел.,

а в 2018 г. — 131 359 000 чел. [12, с. 498-499]. Получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме в городской местности в 2018 г. составляло 77,4%, в сельской местности этот показатель ниже — 65,7%. Очевидно, что о полном охвате населения цифровыми технологиями пока речи не идет.

Отметим и аналогичные проблемы, возникающие в зарубежных странах. Во Франции, несмотря на реализацию Плана высокоскоростного доступа к телекоммуникационным сетям (Plan France Très Haut Débit) [28], запущенного в 2013 г., одна из целей которого — обеспечение к 2022 г. предоставления всем гражданам доступа к цифровым технологиям, на территории этой страны еще есть коммуны, которые находятся в так называемой «белой зоне», и для жителей таких территорий обязательство использовать цифровые инструменты для своих процедур представляет собой препятствие для осуществления прав. Таких коммун немного, порядка 0,3%, но они, к сожалению, есть. Кроме того, по данным 2015-2016 гг., около 8% населения Франции не имело мобильных телефонов, 42% — не имело смартфонов. Определенную, не последнюю по значимости проблему представляет низкий уровень знаний граждан об использовании информационных ресурсов. В такой ситуации необходима поддержка пользователей, в противном случае они будут вынуждены отказаться от использования подобного инструмента [25].

В этом смысле согласимся с Ф. Уэбстером в том, что ключевая роль рынка в информационной сфере обусловила расслоение населения с точки зрения платежеспособности. Технологии доступны тем людям, которые имеют возможность оплатить их. Безусловно, это касается не всех технологий, многие из которых (телевидение, радио, пресса) доступны всем. Однако рынок, по словам указанного автора, реагирует на разницу в доходах и благосостоянии покупателей. Таким образом, любая имущественная иерархия в обществе в «информационную эпоху» превращается в важный фактор [15, с. 196-197].

Не вызывает сомнений, что построение информационного общества с цифровой экономикой — процесс не одномоментный, и он носит комплексный характер. Он связан как с темпами технического прогресса, так и с ростом доходов населения, что в совокупности может обеспечить доступ к высоким технологиям большему числу людей и таким образом способствовать совершенствованию реализации прав граждан в сфере труда и социального обеспечения. Кроме того, необходимо повышать уровень знаний граждан об информационном пространстве, о цифровых технологиях и системах, чтобы преодолеть затруднения и зачастую недоверие к уже наступающему будущему.

Выводы

Распространение новой коронавирусной инфекции заставило на многие вещи взглянуть по-новому, произвести переоценку имеющихся мер правового регулирования и обозначить пути его развития в будущем.

По мнению Международной организации труда, происходящие в экономике масштабные преобразования, в том числе — под воздействием новых технологий,

вызовут разрушительные и преобразующие последствия в экономике и сфере труда. Государства должны уделять приоритетное внимание долгосрочным, устойчивым инвестициям, которые способствуют развитию человека, а также созданию достойных рабочих мест, устойчивому развитию, одновременно создавая основу для деятельности с высокой добавленной стоимостью. Одним словом, общая цель — инвестировать в «достойную и стабильную занятость» [11].

Под достойной и стабильной занятостью понимается в первую очередь полная занятость, представляющая возможность работнику обеспечивать не только себя, но и свою семью, формируя основы для достойного существования. При этом не имеет принципиального значения, будет ли такая работа осуществляться на стационарных рабочих местах или дистанционно (удаленно). Развитие дистанционной занятости отвечает не только вызовам времени, но социально значимым потребностям работника и соответствует политике МОТ относительно полной, продуктивной и свободно избранной занятости.

Несмотря на то, что принятие в нашей стране законопроекта, пересматривающего подходы к правовому регулированию труда дистанционных работников, затянулось во времени, отдельные его положения можно оценить как прогрессивные, способствующие развитию трудовых отношений. В первую очередь отметим возможность временных переводов на дистанционную работу (что также характерно для зарубежного опыта правового регулирования), а также комбинирования дистанционной работы с работой на стационарном рабочем месте. Это позволит сохранить трудовые отношения и обеспечить необходимый уровень занятости даже при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Цифровые технологии, при всей их изменчивости, демонстрируют потенциал содействия стабильности правового регулирования как труда, так и социального обеспечения. Обозначенное в статье применение телемедицинских технологий, которое достаточно развито в зарубежных странах, в России находится в стадии становления. Этот опыт, позволивший многим государствам решить хотя бы отдельные проблемы в период распространения новой коронавирусной инфекции, представляется нам весьма перспективным. Более активное общение врача и пациента с использованием указанных технологий может способствовать повышению как самого качества медицинской помощи (к примеру, за счет возможности проведения консультаций несколькими специалистами), так и его оценки пациентом (что в современных условиях чрезвычайно значимо для отечественной системы медицинской помощи, основанной на понятии и качестве медицинских услуг). Таким образом, можно говорить о новых способах реализации положений Рекомендации Международной организации труда «О минимальных уровнях социальной защиты» [30], предусматривающих, что основные социальные гарантии, включая важнейшие медицинские услуги, основные гарантированные доходы на детей, на лиц пожилого возраста, а также основные гарантированные доходы для экономически активных граждан, не способных получать достаточный доход из-за болезни, безработицы, беременности и родов и утраты трудоспособности, должны обеспечиваться людям в течение всей их жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головина С. Ю. Модернизация основных институтов трудового права в свете построения постиндустриального общества // Парадигма трудового и социального права в эпоху построения постиндустриального общества: сб. науч. трудов по итогам III Междунар. науч.-практич. конф., 23-24 окт. 2015 г. / редкол.: К. Л. Томашевский (гл. ред.) и [др.]. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2015. С. 42-49.
2. Доклад ООН. Цели устойчивого развития. 2020. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 02.11.2020).
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.11.2020).
4. Кузнецов П. У. Концептуальные условия государственной политики в сфере цифровой трансформации общества // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). С. 12-27.
5. Национальное бюро занятости Бельгии: оф. сайт. URL: <https://www.onem.be> (дата обращения: 02.11.2020).
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 05.04.2013 № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1668.
7. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы: законопроект № 973264-7 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> (дата обращения: 01.11.2020).
8. О государственной социальной помощи: федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ: по сост. на 24.04.2020 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ : по сост. на 31.07.2020 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
10. Официальная информация о коронавирусе в России. URL: stopkoronavirus.rf (дата обращения: 02.11.2020).
11. Работать ради лучшего будущего. Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда / Международное бюро труда. Женева: МБТ, 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf (дата обращения: 02.11.2020).
12. Российский статистический ежегодник. 2019: стат. сб. / Росстат. М., 2019. 708 с.
13. Соловьев А. К. Повышение пенсионного возраста в условиях цифровой экономики: социальные и экономические последствия / А. К. Соловьев // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XVIII Международной научной конференции. Уфа: РИК УГАТУ, 2018. С. 250-252.
14. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. : указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
15. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под. ред. Е. Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
16. Чесалина О. В. Законодательство в сфере труда и социального обеспечения в условиях пандемии в ФРГ / О. В. Чесалина // Применение законодательства в сфере

- труда и социального обеспечения: международный и национальный аспекты: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции (Саратов, 7 июля 2020 г.) / отв. ред. И. В. Шестерякова. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 170-174.
17. Явич Л. С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л. С. Явич. М.: Госюриздат, 1961. 172 с.
 18. 10 défis mondiaux pour la sécurité sociale. Développements et innovation. URL: <https://ww1.issa.int/sites/default/files/documents/publications/1-10-challenges-Global-2019-WEB-263626.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
 19. Arrêté royal concernant l'introduction d'une demande d'allocation d'interruption par voie électronique, modifié par Arrêté royal du 18 mars 2018 . URL: https://www.etaamb.be/fr/arrete-royal-du-18-mars-2018_n2018201285.html (дата обращения: 02.11.2020).
 20. Alliance de l'humain et du numérique pour la sécurité sociale dans les Amériques. URL: <https://ww1.issa.int/fr/news/human-and-digital-social-security-americas> (дата обращения: 02.11.2020).
 21. Code de la santé publique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 02.11.2020).
 22. Code du travail. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 02.11.2020).
 23. COVID-19: Artsen krijgen vergoeding voor telefonisch consult. URL: <https://www.maggiedeblock.be/covid-19-artsen-krijgen-vergoeding-voor-telefonisch-consult/> (дата обращения: 02.11.2020).
 24. DépistageCovid.gouv.fr. URL: <https://sante.fr/recherche/trouver/DepistageCovid> (дата обращения: 02.11.2020).
 25. En quoi la transformation numérique peut-elle se révéler un levier pour l'accès aux droits et l'inclusion sociale? URL: <https://en3s.fr/articles-regards/reac/2017/1-NUMERIQUE.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
 26. Family-friendly policies and other good workplace practices in the context of COVID-19: Key steps employers can take. URL: <https://www.unicef.org/media/66351/file/Family-friendly-policies-covid-19-guidance-2020.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
 27. Loi n° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/> (дата обращения: 02.11.2020).
 28. Plan France Très Haut Débit. URL: <https://www.aménagement-numérique.gouv.fr/> (дата обращения: 02.11.2020).
 29. Protocole national pour assurer la santé et la sécurité des salariés en entreprise face à l'épidémie de COVID-19. Actualisé au 29 octobre 2020 . URL: <https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/cfiles/protocole-national-sante-securite-en-entreprise.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).
 30. Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). URL: <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/> (дата обращения: 02.11.2020).
 31. Teleworking. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/topic/teleworking> (дата обращения: 02.11.2020).
 32. Vargas Llave O. Regulations to address work—life balance in digital flexible working arrangements / O. Vargas Llave , T. Weber. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19046en.pdf (дата обращения: 02.11.2020).

Yulia V. IVANCHINA¹

Yelena A. ISTOMINA²

UDC 349.2, 349.3

DIGITALIZATION OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN A CHANGING WORLD: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

¹ Dr. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Labor Law,
Ural State Law University (Ekaterinburg)
julia.ivanchina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9306-2216

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Labor Law,
Ural State Law University (Ekaterinburg)
istomina2011@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4984-7627

Abstract

The onset of the information society and the digital economy is a natural stage in the development of any state. Informatization of all spheres of social life actualizes the issues of research of already established social relations and their legal regulation, taking into account a new element — their digital support. Employment relationships, as well as social security relationships, are no exception in terms of digital penetration.

Labor legislation and legislation on social security, being independent, are often implemented in a systemic relationship, since they are aimed at ensuring the quality of life of individuals. This relationship affects a variety of aspects: employment, the combination (balance) of work and family responsibilities, as well as private life and health care. This determines the potential for a comprehensive analysis of the labor and social rights of citizens in the context of digitalization.

The importance of such studies is all the more obvious because, in the context of the spread of the new coronavirus infection, the restrictions imposed, including social dis-

Citation: Ivanchina Yu. V., Istomina Ye. A. 2020. “Digitalization of social and labor relations in a changing world: comparative legal analysis”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 6, no. 4 (24), pp. 192-213.
DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-192-213

tancing, made it impossible, for many, both to carry out work activities and to apply for and receive social benefits. The preservation of the quality of life of the population of this state largely depends on the extent to which the state's reaction, expressed externally in the form of adopted regulatory legal acts, corresponds to the current situation and helps to solve emerging problems.

This article, based on the comparative method of scientific research, shows the development of remote work in Russia and in foreign countries. The importance of information, information technologies and systems in the field of social security is analyzed. The spread of the new coronavirus infection has affected the whole world, and the experience of legal regulation, developed in states with different levels of development, can, taking into account its interpretation, be applied to a certain extent in Russian conditions. In addition, the article emphasizes that the law of any state should be oriented towards international standards in the relevant area.

Keywords

Information technologies and systems, spread of new coronavirus infection, labor relations, remote (remote) work, social security.

DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-4-192-213

REFERENCES

1. Golovina S. Yu. 2015. "Modernization of the basic institutions of labor law in the light of building a post-industrial society". Proceedings of the 3rd International research Conference "Paradigm of labor and social law in the era of building a post-industrial society" (23-24 October). Edited by K. L. Tomashevsky et al. Pp. 42-49. Minsk. [In Russian]
2. UN Report. 2020. Sustainable Development Goals. Accessed 2 November 2020. https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf [In Russian]
3. RF Constitution. Adopted by popular vote on 12 December 1993: with amendments approved during the national vote on 1 July 2020. Accessed 2 November 2020. <http://www.pravo.gov.ru> [In Russian]
4. Kuznetsov P. U. 2018. "Conceptual conditions of the state policy in the field of digital transformation of society". Russian Law: Education, Practice, Research, no. 6 (108), pp. 12-27. [In Russian]
5. National Employment Office of Belgium: official website. Accessed 2 November 2020. <https://www.onem.be>
6. RF Federal Law of 5 April 2013 No. 60-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Sobranie zakonodatelstva RF, no. 14, art. 1668. [In Russian]
7. RF Project Law No. 973264-7 "On amendments to the Labor Code of the Russian Federation in terms of regulation of remote and remote work". Accessed 1 November 2020. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7> [In Russian]

8. RF Federal Law of 17 July 1999 No. 178-FZ “On state social assistance” as of 24 April 2020. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 1999. No. 29, art. 3699. [In Russian]
9. RF Federal Law of 21 November 2011 No. 323-FZ (as of 31 July 2020) “On the Fundamentals of Health Protection in the Russian Federation”. *Sobranie zakonodatelstva RF*, no. 48, art. 6724. [In Russian]
10. The Official Information about the Coronavirus in Russia. Accessed 2 November 2020. stopcoronavirus.rf [In Russian]
11. “Work for a better future. Global Commission on the Future of Work”. 2019. International Labor Office. Geneva: ILO. Accessed 2 November 2020. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf [In Russian]
12. Russian Statistical Yearbook 2019: Statistical Collection. Moscow. [In Russian]
13. Soloviev A. K. 2018. “Raising the retirement age in the digital economy: social and economic consequences”. Proceedings of the 18th International Research Conference “Economic Management: Methods, Models, Technologies”, pp. 250-252. Ufa. [In Russian]
14. RF President Decree of 9 May 2017 No. 203 “Strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2017-2030”. *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2017. No. 20, art. 2901. [In Russian]
15. Webster F. 2004. *Information Society Theories*. Edited by E. L. Vartanova; translated from English by M. V. Arapov and N. V. Malykhina. Moscow: Aspect Press. 400 pp. [In Russian]
16. Chesalina O. V. 2020. “Legislation in the field of labor and social security in the context of a pandemic in the Federal Republic of Germany”. Proceedings of the 2nd International Research Conference “Application of legislation in the field of labor and social security: international and national aspects” (7 July 2020, Saratov). Edited by I. V. Shesteryakova. Pp. 170-174. Saratov: Saratov State Judicial Academy. [In Russian]
17. Yavich L. S. 1961. *Problems of Legal Regulation of Soviet Social Relations*. Moscow: Gosyurizdat. 172 pp. [In Russian]
18. 10 défis mondiaux pour la sécurité sociale. Développements et innovation. Accessed 2 November 2020. <https://ww1.issa.int/sites/default/files/documents/publications/1-10-challenges-Global-2019-WEB-263626.pdf>
19. “Arrêté royal concernant l'introduction d'une demande d'allocation d'interruption par voie électronique, modifié par Arrêté royal du 18 mars 2018”. Accessed 2 November 2020. https://www.etaamb.be/fr/arrete-royal-du-18-mars-2018_n2018201285.html
20. Alliance de l'humain et du numérique pour la sécurité sociale dans les Amériques. Accessed 2 November 2020. <https://ww1.issa.int/fr/news/human-and-digital-social-security-americas>
21. Code de la santé publique. Accessed 2 November 2020. <https://www.legifrance.gouv.fr/>
22. Code du travail. Accessed 2 November 2020. <https://www.legifrance.gouv.fr/>
23. COVID-19: Artsen krijgen vergoeding voor telefonisch consult. Accessed 2 November 2020. <https://www.maggiedeblock.be/covid-19-artsen-krijgen-vergoeding-voor-telefonisch-consult/>
24. DépistageCovid.gouv.fr. Accessed 2 November 2020. <https://sante.fr/recherche/trouver/DepistageCovid>

25. En quoi la transformation numérique peut-elle se révéler un levier pour l'accès aux droits et l'inclusion sociale ? Accessed 2 November 2020. <https://en3s.fr/articles-regards/reac/2017/1-NUMERIQUE.pdf>
26. Family-friendly policies and other good workplace practices in the context of COVID-19: Key steps employers can take. Accessed 2 November 2020. <https://www.unicef.org/media/66351/file/Family-friendly-policies-covid-19-guidance-2020.pdf>
27. Loi n ° 2016-1321 du 7 octobre 2016 pour une République numérique. Accessed 2 November 2020. <https://www.legifrance.gouv.fr/>
28. Plan France Très Haut Débit. Accessed 2 November 2020. <https://www.aménagement-numerique.gouv.fr/>
29. Protocole national pour assurer la santé et la sécurité des salariés en entreprise face à l'épidémie de COVID-19. Actualisé au 29 octobre 2020. Accessed 2 November 2020. <https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/cfiles/protocole-national-sante-securite-en-entreprise.pdf>
30. Social Protection Floors Recommendation. 2012. No. 202. Accessed 2 November 2020. <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/>
31. Teleworking. Accessed 2 November 2020. <https://www.eurofound.europa.eu/topic/teleworking>
32. Vargas Llave O., Weber T. Regulations to address work–life balance in digital flexible working arrangements. Accessed 2 November 2020. https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19046en.pdf